
ЭТИКА

Л. В. ЯКУШЕВ

ИДЕЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ (СПОР ОБ АЗИАТСКИХ ЦЕННОСТЯХ)*

В статье проведен анализ критики прав человека на основе идеологии «азиатские ценности». Несмотря на снижение накала дискуссии об азиатских ценностях в последние два десятилетия, она продолжается по сей день и представляет собой важный прецедент противостояния процессу универсализации прав человека со стороны политических элит западных стран. Сторонники идеологии азиатских ценностей утверждают, что в культурах стран Тихоокеанского бассейна, испытавших сильное влияние конфуцианства, присутствует ценностная система, которая не может быть объединена с концепцией прав человека в единый нормативный корпус по ряду причин. Среди них – культурно-исторический разрыв между западными и азиатскими обществами, обусловивший разный вес индивидуальных и коллективных интересов, а также политическая ангажированность самой концепции прав человека. Часть их оппонентов не признает азиатские ценности общими для всех азиатских стран. Другая часть, признавая наличие специфических азиатских ценностей, пытается найти точки соприкосновения с западными культурами, которые бы стали основой для универсализации концепции прав человека и ее распространения в Азиатском регионе. В истории спора об азиатских ценностях особое место занимает Бангкокская декларация – международный документ, выражающий позицию азиатских стран по вопросу прав человека. Несмотря на подтверждение тезиса об их универсальности, декларация содержит множество оговорок, корректирующих нормативное содержание Всеобщей декларации прав человека, что осложняет международный диалог о статусе прав человека. В статье делается вывод о наличии существен-

---

* Статья подготовлена в рамках проектного исследования «Феномен универсальности в морали», осуществляемого при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 18-18-00068.

ных культурных и политических препятствий для превращения концепции прав человека в универсальный моральный критерий за пределами западного культурного ареала.

Ключевые слова: мораль, права человека, универсальность, азиатские ценности, Бангкокская декларация.

The article analyzes the criticism of human rights which is based on the ideology of 'Asian values'. Despite a decrease in the intensity of the Asian values debate over the past two decades, it continues to this day and represents an important precedent of the resistance of non-Western political elites to the universalization of human rights. The proponents of the ideology of Asian values argue that in the cultures of the Pacific countries there is a value system that has been heavily influenced by Confucianism that cannot be combined with the concept of human rights into a single normative system for a number of reasons. Among them is the cultural and historical gap between Western and Asian societies, which has led to the different balance of individual and collective interests, as well as the political bias of the human rights' concept. Some of their opponents do not recognize the Asian values as common values of all Asian countries. The others, recognizing the existence of specific Asian values, try to find common ground with Western cultures that would serve as a basis for the universalization of the concept of human rights and its dissemination in the Asian region. Others though recognizing the existence of specific Asian values try to find common moral ground with Western cultures which could become the basis for the universalization of the human rights and their dissemination in the Asian region. Bangkok Declaration, an international document expressing the position of Asian countries on human rights, occupies a special place in the history of the dispute over Asian values. Despite the affirmation of their universality, the declaration contains many reservations that adjust the normative content of the Universal Declaration of Human Rights, which complicates the international dialogue about the status of human rights. The author concludes that there are significant cultural and political obstacles to the transformation of the human rights into a universal moral criterion outside the Western cultural area.

Keywords: morality, human rights, universality, Asian values, Bangkok Declaration.

Права человека представляют собой одну из центральных категорий социальной этики, используемую для моральной оценки общественных институтов, традиционных практик, политических решений. Она присутствует в основополагающих международных и национальных правовых актах (конституциях государств и уста-

вах международных организаций) и является важным инструментом современной политической риторики на международном и национальном уровнях. Такая роль прав человека заостряет вопрос о том, можно ли считать их нормативное содержание подлинно универсальным, или всеобщим. Несмотря на то что в основании идеи прав человека лежит многовековой нравственный опыт различных народов и культур, их воплощение сталкивается с рядом серьезнейших затруднений, особенно в азиатских и африканских обществах. Отторжение ими идеи прав человека ведет к значительному количеству более или менее острых политических конфликтов. Это делает предельно актуальным анализ прав человека в межкультурном контексте. В данной статье я хотел бы исследовать соотношение идеи прав человека и идеологии «азиатские ценности», которая определяла или отражала вектор политического, социального и экономического развития многих довольно успешно модернизирующихся азиатских стран. Особое внимание я планирую уделить оформлению критики и защиты прав человека в азиатских странах в виде декларативных документов (в том числе международных).

«Азиатские ценности» в современном политическом контексте

Идеология «азиатские ценности» получила наибольшую популярность в начале 90-х гг. прошедшего столетия как реакция на значительные экономические и социальные достижения модернизирующихся восточноазиатских государств, прежде всего Сингапура, Малайзии, Тайваня (государств, в которых произошло так называемое «азиатское экономическое чудо»). Дискуссии по данному вопросу сразу же приобрели политическое измерение: в речах политических лидеров открыто декларировалось превосходство азиатских ценностей перед западной концепцией прав человека и нежелание ее экспорта в данный регион. После финансового кризиса 1997–1998 гг. интерес к данной проблематике заметно снизился: экономический бум «азиатских тигров», основанный на особом, традиционном укладе, не оправдал себя. Однако есть несколько обстоятельств, которые демонстрируют, что азиатские ценности

и основанная на них критика универсального статуса прав человека продолжает сохранять актуальность для нормативной этики и сегодня.

Во-первых, азиатские страны характеризуются одними из самых высоких показателей темпов экономического роста и являются важными партнерами западных стран. В условиях глобализации, когда зависимость государств друг от друга стремительно усиливается, каждая развитая экономика стремится наладить и в дальнейшем поддерживать контакты с Азиатским регионом, подкрепляя их универсальным нормативным базисом, которым, по мнению западных исследователей и политиков, может стать идея прав человека. Ее распространение за пределы Европейского континента началось еще во второй половине прошедшего столетия и в ежегодных докладах международных организаций характеризовалось как успешное. Однако азиатские партнеры продолжают выражать озабоченность в связи с настойчивым внедрением идеи прав человека в общественно-политическую практику и вытеснением традиционных для них социальных норм и ценностей. Это обстоятельство вынуждает западную сторону взаимодействия учитывать те требования, которые предъявляют ей азиатские партнеры, и выстраивать свою стратегию в соответствии с ними.

Во-вторых, Азия остается одним из тех регионов, где постоянно фиксируются многочисленные нарушения прав человека, прежде всего личных и гражданских (запрет политической оппозиции, заключение под стражу без судебного разбирательства, дискриминация на религиозной и национальной почве и пр.). Международное сообщество, принявшее основополагающие документы по правам человека в качестве универсальной основы своего функционирования, обязано предотвращать и устранять нарушения прав вне зависимости от уровня экономического или политического влияния государств, которые их допускают. Однако пытающиеся достичь этой цели международные организации сталкиваются не только с сопротивлением национальных правительств, но и с неприятием их деятельности со стороны населения незападных стран¹. Соответственно, данным структурам (преимущественно западным) необхо-

---

¹ Вопрос о деятельности международных неправительственных организаций в Азиатском регионе обсуждал Д. Белл [Bell 2006: 86, 91–92].

димо пересмотреть теоретические принципы и практические методы работы с учетом культурных особенностей региона. Для того чтобы местные организации, занимающиеся правозащитной деятельностью, смогли увидеть в своих западных коллегах союзников, требуется найти единую ценностную основу совместной деятельности, и вполне возможно, что она представляет собой какой-то компромисс между универсализмом прав человека и партикуляризмом идеологии азиатских ценностей².

Наконец, актуальность обсуждению азиатских ценностей придает риторика современных азиатских лидеров. Помимо вернувшегося на свой пост премьер-министра Малайзии Махатхира Мохамада в последнее время к числу сторонников азиатского пути развития примкнул председатель КНР Си Цзиньпин. Его правительство поставило в качестве приоритетной задачи развития страны систематизацию и распространение не просто азиатских, а китайских ценностей как основного компонента государственной идеологии. В 2012 г. на очередном съезде Компартии Китая был представлен перечень из 12 ценностей, объединенный в три группы по степени значимости: ценности государства, общества и человека [Ломанов 2015]. Такая иерархия не соответствует западному видению нормативной основы функционирования общественных институтов, в рамках которого на первом месте стоят интересы и потребности индивида. Более того, год спустя в одном из государственных документов китайским руководством были высказаны опасения по вопросу сотрудничества с западными партнерами. Одним из них является стремительное распространение западной трактовки идеалов свободы, демократии и прав человека, которая не соответствует национальному восприятию, основанному на симбиозе учения К. Маркса и Конфуция. Для разрешения ситуации руководство КНР предпринимает достаточно радикальные меры, например, введение запрета на распространение литературы, предлагающей Китаю «некитайские» пути развития [Там же]. Такая позиция, нацеленная на жесткое ограничение распространения западной философско-правовой культуры, делает перспективу универса-

---

² Подобный компромисс предлагал Дж. Ролз в своей работе «Право народов», обсуждая минимальный стандарт прав человека в так называемых «консультативных иерархиях» [Ролз 2010: 92–94].

лизации прав человека весьма призрачной и заводит диалог по этой проблеме в тупик. Разработка западной интерпретации концепции азиатских ценностей и готовность обсуждать ее с восточными партнерами в контексте реализации международных документов по правам человека может стать шагом к восстановлению такого диалога, к началу серии взаимных компромиссов, которые гораздо лучше конфронтации.

Азиатские ценности: за и против

В целом современная дискуссия об азиатских ценностях представляет собой противостояние двух противоположных друг другу позиций. Они отличаются друг от друга как пониманием природы азиатских ценностей, так и восприятием концепции прав человека (прежде всего ее способности стать универсальным нормативно-ценностным базисом жизни общества).

Представители первой позиции являются однозначными сторонниками азиатских ценностей. К их числу, помимо вышеназванных персоналий, принадлежат умерший в 2015 г. премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю, японский политик Синтаро Исихара, а также нынешнее руководство Индонезии и Филиппин. Концепции прав человека они противопоставляют ценности, которые присутствуют в культурах стран Тихоокеанского бассейна, испытавших сильное влияние конфуцианства. В их число входят Сингапур, Малайзия, Корея, Япония, Вьетнам, Филиппины, а также Индия, которая, по мнению Ли Куан Ю, «придерживается аналогичных ценностей» [Zakaria 1994: 113].

Формулировки и перечни азиатских ценностей, встречающиеся в манифестах политических лидеров и текстах исследователей, разнятся между собой. Тем не менее в них можно найти точки пересечения и представить в следующем виде: а) азиатские общества менее трепетно, чем западные, относятся к личной свободе и потому не так остро реагируют на ее ограничение, а наоборот, выражают лояльность к власти; б) азиатским обществам чужд индивидуализм, интересам государства и общества отдается больший приоритет, нежели интересам отдельно взятой личности, особое положение отводится семье как первичной ячейке общества; в) азиатским об-

ществам присущи приверженность традиционным устоям, стабильность и организованность, трудолюбие.

Почему эти ценности противостоят правам человека? Действительно ли коллективизм несовместим с правом человека на труд и использование родного языка? Сторонники азиатских ценностей выдвигают ряд критических аргументов в отношении концепции прав человека и ее универсального статуса [Li 2002: 174–175].

Во-первых, утверждается, что права человека возникли в современной Европе, когда в вихре первых буржуазных революций зарождался капитализм. Происходили смена парадигм и эпох, ломка традиционного мышления. Для Азии, дошедшей до современности без кардинальных социальных трансформаций и деформаций, данные условия являются непонятными и чуждыми. Этот непреодолимый культурно-исторический разрыв ведет к различному пониманию прав человека в данных регионах и не может придать им статус универсальных норм.

Во-вторых, вводится тезис о том, что противостояние азиатских ценностей и прав человека задает различная степень значимости индивидуальных и коллективных интересов. Если в западной культуре приоритет отдается интересам отдельно взятого индивида, то в азиатских культурах на первый план выходят запросы общества. Подобная аргументация присутствует в так называемых «Белых книгах» – официальных отчетах органов власти азиатских стран о проведенных мероприятиях в области прав человека. Так, в «Белой книге общих ценностей Сингапура», несмотря на обязанность государства и общества оказывать поддержку каждому его члену, утверждается приоритет интересов общества и государства над интересами индивида [Shared... 1991]. С «азиатской» точки зрения, права человека являются индивидуалистическими по своей природе и не только вступают в противоречие со сложившимися социальными нормами азиатских обществ, но и в случае превращения в господствующую идеологию приводят к разрушительным последствиям. Об этом свидетельствует ситуация, сложившаяся на Западе: рост числа разводов, неполных семей и однополых союзов, проституция, употребление наркотиков и систематические правонарушения [Mahathir 1994].

В-третьих, утверждается, что западные общества неправомерно помещают на первое место гражданские и политические права, в то время как для обществ азиатских социальные и экономические права имеют то же самое или даже приоритетное значение. Например, в Белой книге «Прогресс Китая в области защиты прав человека» 1995 г. критерием соблюдения прав человека является уровень экономического развития страны и соответствие ему политической системы. С этой точки зрения в условиях тотальной бедности и нищеты гражданские права просто не имеют смысла. Например, возможность получить образование, иметь минимальные средства к существованию, доступ к медицинским услугам важнее права на политические союзы или тайну переписки [Прогресс... 1995]. Пока экономические показатели не достигли определенного уровня, азиатские правительства не только могут, но и обязаны ограничивать политические права своих граждан, поскольку вне таких ограничений политика социально-экономического развития будет неэффективной.

Наконец, сторонники азиатских ценностей постоянно подчеркивают, что права человека и их реализация являются внутренним делом государства. Любое вмешательство других стран или международных организаций с целью защиты прав человека расценивается как нарушение суверенитета. Западные государства, используя риторику прав человека, в реальности «отстаивают образ мышления эпохи холодной войны, политизируют и идеологизируют проблемы прав человека, используют их на международной арене как средство, вынуждающее развивающиеся страны повиноваться, и тем самым насаждают гегемонию и политику силы, обостряя тенденцию политического противоборства в области прав человека» [Mahathir 1994].

Важно отметить, что данные аргументы не являются концептуально однородными: принятие одного из них не подразумевает принятие остальных. Можно отрицать право на вмешательство со стороны других государств, но при этом признавать схожесть исторических путей европейских и азиатских сообществ. Однако каждый из них по отдельности утверждает невозможность полноценного внедрения идеи прав человека в азиатских обществах,

а значит, подрывает их статус универсального нравственного основания и критерия моральной оценки общественных институтов.

Критика концепции азиатских ценностей также не имеет общих идейных оснований, поэтому аргументацию против них можно представить в виде двух позиций. Сторонники первой считают, что в таком обширном регионе, как Азия, где проживает множество этнических групп, имеющих разный уровень социально-экономического и культурного развития, говорить о едином пласте азиатских ценностей и, следовательно, об общем сопротивлении азиатских государств распространению идеи прав человека некорректно и бессмысленно. Более того, апелляция к азиатским ценностям и их несовместимости с правами человека используется политическими лидерами для прикрытия репрессивных способов управления и нежелания авторитарных элит передавать власть демократически избранным представительным органам. Следовательно, все трудности, связанные с универсализацией прав человека, являются мнимыми, поэтому их внедрение в азиатские сообщества не должно встретить препятствий.

Менее радикальная точка зрения заключается в признании определенной ценностной специфики азиатских культур при отсутствии фундаментального разрыва с европейскими ценностями [Sen 1997]. Ее сторонники полагают, что в ценностных системах разных цивилизаций можно найти точки пересечения, которые могут стать основой сотрудничества в области прав человека. Так, в поиске общих отправных посылок западная сторона может использовать протестантскую этику, которая формировалась вместе с концепцией прав человека, а сегодня продолжает определять мировоззрение Старого Света. Ее основные принципы: разумная бережливость, дисциплинированность, отказ от лени и др. – наиболее близки к азиатским ценностям, и это может создать основу для более широкого принятия идеи прав человека. Другую точку пересечения могут задать такие популярные в современной западной общественной мысли социально-этические позиции, как коммунитаризм и республиканизм. В них (или по крайней мере в некоторых их очень влиятельных образцах) отсутствует тезис об однозначном преобладании личных интересов над коллективными, но идея прав человека не отбрасывается.

Впрочем, даже эта, наименее радикальная точка зрения в отношении азиатских ценностей не создала реальной основы для сближения позиций. Слишком сильно взаимное недоверие, связанное с подозрением в неискренности и манипулятивном отношении к ценностям. Азиатская сторона относится с опаской к усилиям западных стран по ликвидации нарушений прав человека, поскольку многие из них, например, военное вмешательство НАТО в конфликт в Югославии или вторая война в Персидском заливе, не просто привели к обратным последствиям, но и имели политическую подоплеку, явно не связанную с правами человека. В свою очередь, масштабные нарушения прав человека, происходящие в некоторых азиатских странах, заставляют западных партнеров задуматься о том, что азиатские ценности – это очередная идеологическая уловка, прикрывающая авторитарные практики местных элит.

Спор об азиатских ценностях и международные декларативные документы по правам человека

Описанные выше ценностно-нормативные и политические контрверзы накладывают свой отпечаток на процесс создания международных декларативных документов, фиксирующих права человека. В рамках данной статьи я хотел бы остановиться на Бангкокской декларации, принятой в 1993 г. представителями стран азиатских государств на подготовительном совещании к Венской Всемирной конференции по правам человека. Она примечательна тем, что является юридическим документом, который наиболее полно выражает позицию стран Азиатского региона по вопросу о реализации идеи прав человека и содержит определенные коррективы нормативного содержания Всеобщей декларации прав человека.

В Бангкокской декларации поддерживается тезис об универсальном статусе прав человека, провозглашается «взаимозависимость и неделимость экономических, социальных, культурных, гражданских и политических прав» [Бангкокская... 1993: 3]. Иными словами, ни одна группа прав не может обладать приоритетом перед другой. Права человека должны «рассматриваться в контексте динамичного и развивающегося процесса международного нормотворчества» [Там же: 5], вместе с тем недопустимо использовать права человека в качестве инструмента политического давле-

ния или вмешательства во внутренние дела государств. Однако в документе присутствуют пассажи, поддерживающие сторонников азиатских ценностей. В Преамбуле говорится о «разнообразных и богатых культурах и традициях» [Бангкокская... 1993: 3] Азиатского региона, поэтому внедрение идеи прав человека должно осуществляться при их обязательном учете. Для процесса универсализации прав человека данная ремарка создает серьезное препятствие. Неменьшим затруднением является признание в качестве условия реализации и защиты прав человека в азиатских сообществах, а также укрепления демократических устоев «экономического и социального прогресса» [Там же: 4]. Эта позиция ведет к главенству социальных и экономических прав, тогда как на Западе акцент ставится на личные и политические права. Прерогативой определять приоритет социально-экономических прав над гражданскими и политическими и определять политическую систему обладает государство, другие политические субъекты не могут вмешиваться в этот процесс. Однако в статье 18 отмечается, что «фундаментальное право на развитие каждого государства встречает серьезные препятствия на международном макроэкономическом уровне, о чем свидетельствует увеличение разрыва между Севером и Югом» [Там же: 6]. Данную формулировку можно расценить как критику внешнеполитических доктрин некоторых западных государств, в частности США. К похожему выводу можно прийти на основании заявления об использовании «политики двойных стандартов при осуществлении прав человека и политизации этого вопроса». Такое неоднозначное содержание Бангкокской декларации позволяет некоторым исследователям рассматривать ее как элемент политической риторики, а азиатские ценности – как политический инструмент, нацеленный на ограничение диалога о правах человека на внутригосударственном уровне и вместе с тем на защиту государства от критики со стороны иностранных правительств и правозащитных организаций [Pearhouse 2000: 24].

***

В каждой культурной традиции присутствуют механизмы, которые сдерживают внедрение «инородных элементов» в складывающуюся веками систему ценностей и норм. В истории имеются

примеры мирного, хотя и длительного, преодоления таких механизмов и соединения ценностных пластов, принадлежащих изначально разным культурам. Превращение прав человека в универсальный критерий моральной оценки общественно-политической практики типологически является именно таким процессом. У него есть свои успехи, однако в целом он находится на ранних своих стадиях. Культурные и политические препятствия, стоящие на его пути, значительны. И судьба рассмотренной в данной статье идеологии «азиатские ценности» ярко их иллюстрирует.

Литература

Бангкокская декларация. 1993 [Электронный ресурс]. URL: <http://hrlib.kz/?document=1993-бангкокская-декларация> (дата обращения: 13.07.2019).

Ломанов А. Общий знаменатель нации: Китайские ценности будут соперничать с западными // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13. № 5. С. 138–152

Прогресс Китая в защите прав человека (Белая книга). 1995 [Электронный ресурс] : URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/ziliao/zt/zfbps/t25318.shtml> (дата обращения: 10.07.2019).

Полз Дж. Право народов // Вопросы философии. 2010. № 9. С. 79–105.

Bell A. D. Beyond Liberal Democracy. Political Thinking for an East Asian Context. Princeton; Oxford : Princeton University Press, 2006.

Li X. “Asian Values” and the Universality of Human Rights // Philosophical Dimensions of Public Policy / ed. by V. V. Gehring, W. A. Galston. New Brunswick; London : Transaction Publishers, 2002. Pp. 171–180.

Mahathir M. The Past and The Present. 1994 [Электронный ресурс] : The Just International Conference on Rethinking Human Rights. URL: <http://www.mahathir.com/malaysia/speeches/1994/1994-12-06.php> (дата обращения: 10.07.2019).

Pearshouse R. The Rhetoric of Asian Values // Polemic. 2000. Vol. 10. No. 1. Pp. 23–28.

Sen A. Human Rights and Asian Values. New York : Carnegie Council on Ethics and International Affairs, 1997.

Shared Values. 1991 [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/36190449/Shared_Values_White_Paper_Singapore_ (дата обращения: 10.07.2019).

Zakaria F. Culture Is Destiny: A Conversation with Lee Kuan Yew // Foreign Affairs. 1994. Vol. 73. No. 2. Pp. 109–126.